13. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // Политические исследования. 2006. № 1. С. 12-32.

14. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.

15. Устименко С.В. «Партия власти» в современной России: ретроспектива и перспектива // Библиотека РАПН. URL: http://rapn.ru/library.php?d=338&n=35&p=8(дата обращения: 14.07.2013).

16. Межуев Б., Черняев А., Куркин Н. Политическая гегемония большинства // Русский журнал (21.01.2010). URL: www.russ.ru/pole/Politicheskaya-gegemoniya-bol-shinstva (дата обращения: 19.08.2013)

17. Вебер М. Политические работы. М: Праксис, 2003.

УДК 323.28

Ахмедова К.Б.

Политический контекст манипулирования религиозной идентичностью террористическими группами

В статье изучается проблема манипулирования религиозной идентичностью террористическими группами с целью привлечения большего числа сторонников и достижения своих политических целей. Исследователи согласны с тем, что политический экстремизм и терроризм на современном этапе приобретают религиозный характер. Важность идеологического компонента в мерах по противодействию терроризму подчеркивается и в ряде законодательных актов, принятых в Российской Федерации. Используя данные эмпирического исследования 117 террористических групп в Ираке, Афганистане и на Северном Кавказе, автор дает анализ основных механизмов манипулирования религиозной идентичностью террористами для достижения политических целей.

Ключевые слова: религиозная идентичность, манипулирование, терроризм, противодействие терроризму.

Политический экстремизм на современном этапе приобретает религиозный характер, свидетельством чему является нарастающее использование религии в идеологиях террористических организаций и групп. Экспансия экстремистских идеологий, использующих ислам, на Северный Кавказ в конце XX – начале XXI веков привела к необходимости разработки и усовершенствования мер по идеологической борьбе с экстремизмом и терроризмом. В связи с этим особо актуальным стало исследование религиозного фактора в политическом контексте противодействия терроризму.

Большое значение идеологическому компоненту придается в мерах по противодействию терроризму в ряде законодательных актов таких, как Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года, «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 5 октября 2009 года», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и других. В данных документах среди основных направлений по предупреждению терроризма выделяется создание системы противодействия идеологии терроризма [1; 2].

Несмотря на многочисленные исследования данной проблемы в смежных науках, ни религиоведение, ни политические науки до сих пор не предложили исчерпывающего объяснения религиозного фактора в политическом контексте терроризма и мерах по противодействию терроризму в силу противоречивости получаемых результатов и предлагаемых

решений. В связи с этим необходимо дальнейшее исследование религиозного фактора политического экстремизма, который в современной научной литературе главным образом связывается с исламом, так как именно эта религия наиболее часто используется террористическими организациями для идеологического обоснования своих действий.

Большой вклад в изучение проблемы политического экстремизма и терроризма внесен работами ведущих российских исследователей таких, как А.К. Алиев, З.С. Арухов, К.М. Ханбабаев (2007), И.П. Добаев (2013), А.А. Игнатенко (2004), В.Н. Коновалов (2009), И.П. Чернобровкин (2003, 2009) и других. Теоретико-методологический анализ изучаемой проблемы и анализ экстремистских идеологий, использующих ислам, представлены в наших предыдущих публикациях. *Целью* же данной статьи является эмпирическое исследование манипулирования религиозной идентичностью террористическими группами в Афганистане, Ираке и на Северном Кавказе.

В данном исследовании проведен анализ 117 террористических групп из трех регионов, это: Ирак, Афганистан, Северный Кавказ. Выбор данных регионов для исследования был основан на следующих критериях:

1. Все три региона характеризуются преобладанием мусульманского населения;
2. Все три региона являлись или являются политически нестабильными зонами вооруженных конфликтов;
3. Все три региона характеризуются наличием повышенной террористической активности.

Отличительными характеристиками данных регионов являются:

1. Ирак и Афганистан – суверенные государства, тогда как регион Северного Кавказа представляет республики, входящие в состав Российской Федерации;
2. Все три региона имеют этнические и демографические различия.

Информация о террористических группах Ирака и Афганистана была взята из источников открытого доступа: Глобальная база данных о терроризме Национального консорциума по исследованию терроризма и реакций на терроризм Университета Мэриланд США [7], а также библиографических источников, представленных в списке литературы. Информация о террористических организациях, действующих на Северном Кавказе, была получена в процессе теоретического анализа исследований по данной проблеме, из Единого федерального списка организаций, в том числе иностранных и международных, признанных судами Российской Федерации террористическими [8], а также взята из средств массовой информации. Обработка и анализ эмпирического материала проводились с помощью компьютерной программы ATLAS.ti (7 версия).

Использование религиозного фактора террористическими группами в политическом контексте основано на манипуляции двумя ключевыми компонентами: 1) экстремистскими идеологиями, использующими ислам, и 2) религиозной идентичностью.

Религиозная идентичность традиционно определяется как «категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности к идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [9, с. 863].

Для понимания религиозной идентичности следует учитывать, что религиозность является динамической частью личности верующего, отражающей качество и уровень его религиозных убеждений. Также религиозность является основой личностной идентичности верующего. Религиозность может характеризоваться как радикальная или умеренная, но при этом данная характеристика не может быть применена в отношении религии, так как на религию не может быть возложена ответственность за качество религиозных убеждений верующего. Ответственность за религиозные убеждения, радикальные или умеренные, лежит на самом верующем как на сознательном человеческом существе. Таким образом, религиозная идентичность является важным компонентом личностной и социальной идентичности.

В мусульманских обществах как на Северном Кавказе, так и в других регионах религиозная идентичность не является приобретенной характеристикой на основе индивидуального выбора, а придается человеку с момента его рождения и передается из поколения в поколение. Как отмечает И.П. Чернобровкин (2003), рождение определяет членство в группе, а социализация только подтверждает его [10]. Исключением являются только новообращенные, которые приняли ислам на том или ином этапе жизненного пути.

Манипулирование религиозной идентичностью террористическими группами включает такие механизмы, как использование религиозного названия группы, формирование религиозного имиджа лидера группы, провозглашение религиозных целей группы, а также многие другие признаки, направленные на то, чтобы продемонстрировать уникальность группы, ее отличие от других.

Название террористической группы служит первым и главным признаком того, как группа представляет себя обществу и как общество воспринимает группу. В основном, названия террористических групп включают три разновидности: «кто мы такие», то есть, идентичность группы, «кто нас ведет», то есть лидер или лидеры группы, «что мы хотим», то есть цели группы, «как мы действуем», то есть способы достижения поставленных целей.

Результаты исследования показывают, что 88 (75 %) из 117 террористических групп выражают свою религиозную идентичность в названии группы (см. таблицу).

Таблица

Названия террористических групп религиозного и нерелигиозного содержания

Название группы	Ирак		Афганистан		Северный Кавказ		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Религиозное	48	83	28	65	12	75	88	75
Нерелигиозное	10	17	15	35	4	25	29	25
Всего	58	100	43	100	16	100	117	100

Среди 48 террористических групп с религиозными названиями 9 (19%) групп в Ираке и 20 (71%) из 28 групп в Афганистане содержали слова «ислам», «исламский» или «мусульманский» в сочетании с военными характеристиками в названиях групп, например «Солдаты ислама», «Армия мусульман», «Исламский фронт…» и другие. Таким образом, формируется религиозно-воинственный имидж группы, который демонстрирует способы достижения поставленных целей или «как мы действуем». Основные способы действия – это воинственный джихад и самопожертвование. Политическим контекстом в данном случае является то, что террористы используют религиозные названия групп для пропаганды идеи о том, что ислам находится под угрозой уничтожения, и они должны его защитить. Отсюда и происходит призыв к джихаду, то есть священной борьбе. Таким образом, террористы манипулируют групповой религиозной идентичностью, представляя всех мусульман жертвами, а себя их защитниками, с целью привлечения сторонников. Как подчеркивает И.П. Чернобровкин (2003), когда человек ассоциирует себя с референтной группой, страдающей от массовых притеснений, идентичность с этой группой начинает занимать ведущее место в иерархии [10].

Террористы пытаются показать, что ислам находится не только под внешней угрозой со стороны немусульман, но и под внутренней угрозой со стороны «неполноценных» мусульман, которые не разделяют радикальных взглядов. Поэтому террористы призывают к войне за возрождение ислама в его первоначальном виде, что выражается в групповой идентичности террористов через название группы, символизирующее события из ранней истории ислама. Среди иракских террористических групп 6 (12 %) из 48 содержат слова «салафи» в названии группы, которое означает первые три поколения мусульман. Напри-

мер, «Бригады священных воинов салафитского общества Ирака», «Солдаты Сахаба» (сахабами назывались первые мусульмане, которые лично общались с Пророком Мухаммедом), или «Армия Рашидуна», названная в честь Халифата Рашидун, который включал первых четырех халифов из ранней исламской истории.

Групповая идентичность террористов выражается через *отождествление с религиозными лидерами из ранней истории ислама* в названиях террористических групп, а также присвоение этих имен себе лидерами современных террористических групп. Религиозные названия иракских террористических групп в 17 (35 %) из 48 случаев включали имена известных халифов, имамов и других религиозных лидеров в названиях групп. При этом суннитские группы использовали имена первых трех халифов, например «Армия Абу-Бакра», названная в честь Абу-Бакра, первого халифа Халифата Рашидун. Другим примером может служить террористическая группа «Бригады Фарука». «Фарук» – титул, присвоенный Умару Бин Аль-Хаттабу, второму халифу Халифата Рашидун; так как он был признанным экспертом в области исламской юриспруденции, его называли Фарук, то есть тот, кто различает правильное от неправильного. Таким образом, используя данное название, террористическая группа пыталась представить себя борцом за праведное дело.

Лидеры террористических групп присваивают себе имена известных религиозных лидеров из исламской истории. Так, например, известный террорист Самир Салех Абдулла Аль-Сувайлем представлялся как Амир Хаттаб. Прибыв в Чечню в середине 1990-х, он явился одним из первых распространителей идеологии ваххабизма на Северном Кавказе и основателем тренировочных баз террористов в Чечне [11].

Террористические группы называют свои ячейки «джамаатами», а своих лидеров «амирами», отождествляя свою групповую структуру с социально-политической структурой раннего исламского общества. К этому часто добавляется военный контекст. Так, одна из ячеек террористической группы в Ингушетии называлась «Джамаат Талибан», символизируя идентичность, близкую к афганскому Талибану. Иракская террористическая группа «Сарай аль-джихад» представляла в данном названии наименование воинского подразделения «сарай», которое использовалось в ранней исламской истории. Религиозная идентичность также демонстрировалась северокавказскими террористическими группами путем использования таких названий как «Халифат» в Ингушетии, «Ярмук» в Кабардино-Балкарии, «Шариат» и «Дженнет» в Дагестане [4].

Наиболее циничным использованием священных религиозных имен стала известна лидер и вербовщица суицидальных террористов из Ирака по имени Самира Ахмед Джасим, называвшая себя Умм аль-Мукъминийн, что переводится с арабского как «мать истинных верующих». Самира Ахмед Джасим, состоявшая в террористической группе «Ансар аль-Сунна» или «Последователи сунны», завербовала более 80 женщин для совершения суицидальных террористических атак и 28 из них совершили данные атаки [12].

Среди иракских и афганских шиитских террористических групп наиболее популярным является отождествление с известными имамами такими, как Имам Али, Имам Хусейн, Имам Махди и другие. Например, террористическая группа под названием «Армия Хусейна» отождествляет себя с Имамом Хусейном, третьим имамом шиитских мусульман. Также популярным стало использование террористическими группами в Ираке и Афганистане имени Имама Махди, двенадцатого и последнего имама шиитов.

Цели террористической группы также проецируются через религиозную идентичность и служат механизмом манипуляции. Террористические группы имеют двойственные цели: провозглашаемые и актуальные (реальные). *Провозглашаемые цели* представляются как священные и являются важным компонентом групповой идентичности террористов, демонстрирующей готовность самопожертвования ради народа, будучи истинными верующими, борющимися за лучшую жизнь для будущих поколений, за мир и справедливость.

Провозглашаемые цели являются частью террористической пропаганды, нацеленной на членов группы, общество в целом, а также на врагов.

Актуальные цели, как правило, известны и обсуждаются только в кругу лидеров и спонсоров группы и не допускаются для публичного разглашения. Для большинства террористических групп провозглашаемой целью является защита религии и верующих через создание исламского государства в форме халифата, имарата или имамата. Реальной или актуальной целью часто оказывается захват политической власти при активном использовании религиозного фактора. Цели террористической группы часто представлены в названиях групп, например, Исламское государство Ирака, Имарат Кавказ, Исламское общество Афганистана и другие. Политический контекст данных религиозных названий террористических групп очевиден – свержение существующего строя и установление собственной системы государственного управления.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили выявить и описать следующие основные механизмы манипулирования религиозной идентичностью террористическими организациями в Ираке, Афганистане и на Северном Кавказе:

1) использование религиозного названия группы: «кто мы такие»;
2) создание религиозного имиджа лидера группы: «кто нас ведет»;
3) провозглашение религиозных целей группы: «что мы хотим»;
4) способы достижения поставленных целей: «как мы действуем».

Понимание данных механизмов манипулирования религиозной идентичностью может служить разработке конкретных мер по предотвращению их использования, что в свою очередь позволило бы уменьшить число сторонников, вербуемых террористами.

Меры, направленные на противодействие манипуляции религиозной идентичностью террористами, должные включать, в первую очередь, распознание группы риска, включающей потенциальных жертв террористических манипуляций. При этом особое внимание следует уделить формированию религиозной идентичности новообращенных в ислам, которые также входят в группу риска. Далее необходимо формирование в группе риска неуязвимости к манипулированию их религиозной идентичностью через разъяснение истинных целей террористов, развенчивание имиджа их лидеров, формирование осознания тех неминуемых негативных последствий, которые неизбежны при вовлечении в террористическую деятельность.

Литература

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета, 20 октября 2009 г.

2. Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». http://www.fedsfm.ru/documents/federal-laws/.

3. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007.

4. Добаев И.П., Анисимова Н.А., Гаджибеков Р.Г. Векторы политизации и радикализации ислама в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2013. № 3. С.151–161.

5. Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Институт религии и политики, 2004.

6. Коновалов В.Н., Чернобровкин И.П. Миротворческие стратегии: критический анализ. // Политические технологии, 2009. URL http://www.politex.info/content/view/576/. Дата обращения 15 сентября 2013 г.

7. Global Terrorism Database, National Consortium for Study of Terrorism and Responses to Terrorism, University of Maryland. URL: www.start.umd.edu (дата обращения: 14.04.2011).

8. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных судами Российской Федерации террористическими. // Российская газета. 15 февраля 2014.

9. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 863.

10. Чернобровкин И.П. Этнонациональный конфликт: природа, типы и социальный контроль. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2003.192 с.

11. Hahn, G. (2007). Russia's Islamic Threat. New Haven, CT, and London, UK: Yale University Press.

12. Abdul-Zahra, Q & Murphy, B. (2009). Iraq Arrests Female Suicide Bomber Recruiter. // Associated Press. URL: http:/www.huffingtonpost.com/ 2009/02/03 (дата обращения: 30.11.2012).

УДК 004.9

Алексеенков А.А.

Направления развития информационно-коммуникационных технологий в социальных системах

В статье рассматриваются основные компоненты социальной системы, показано наличие взаимосвязанных направлений в деятельности социальной системы: организация и управление. Далее автором указывается особая роль информации в управлении социальной системой. Также предлагаются пути совершенствования информационного взаимодействия социальных систем на основе единой платформы распределённой обработки информации.

Ключевые слова: социальная система; деятельность социальной системы; информация; организация; управление; информационно-коммуникационные технологии; автоматизированная информационная система; информационное взаимодействие.

Из огромного количества существующих систем первоочередной интерес представляют социальные системы, выделение которых обусловлено исключительной ролью людей в обеспечении их деятельности.

Под социальной системой (далее – Система) будем понимать целостное образование, главными компонентами которого являются люди, вещи и отношения, взаимодействие которых направлено на достижение цели Системы в целом. Для Системы являются обязательными следующие характеристики: деятельность, задачи, функции, принципы деятельности [1].

Цель выступает в качестве важнейшего системообразующего фактора, объединяющего людей в едином стремлении к её достижению с помощью ими же самими выбранных средств, рассматриваемых в качестве задач и функций.

Задачи Системы, являясь вторым уровнем её дерева целей, определяют укрупнённые направления деятельности Системы, группы однородных функций – средства достижения главной цели системы. Содержание задач социальной системы полностью зависит от предназначения Системы, т.е. цели её создания.

Функции Системы как направления деятельности, раскрывающие и конкретизирующие социальное предназначение Системы, описываются на последующих уровнях дерева целей Системы. Функции, их характер и направленность определяют организационную структуру Системы, разделение труда, формы и методы деятельности и другие характеристики Системы.

Деятельность как способ существования Системы предусматривает, во-первых, реализацию заданной комбинации информационных, материальных, энергетических процессов, обеспечивающих преобразование входных материальных потоков (загрузки) Системы в требуемый «конечный продукт» – результат, во-вторых, активное взаимодействие её элементов (в частности субъекта и объекта управления) между собой и внешней средой.